

УДК 325.25:930.8(57)"1920/1930"

*С.И. Лазарева, А.Н. Шпилёва***Вклад восточной ветви российской эмиграции
в сохранение отечественной культуры
(20-30-е гг. XX века)****The contribution of east branch of the Russian emigration
to preservation of domestic culture (20-30th of the XX century)**

В статье предпринята попытка дать общий обзор основных аспектов культурной жизни первой волны российской эмиграции в Китае. Особое внимание авторы работы уделяют "женской ветви" литературы дальневосточного зарубежья.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Китай, культура, литература, российская эмиграция.*

In the article there is an attempt to give the general review of the basic aspects of a cultural life of the first wave of the Russian emigration in China. Special attention authors of work give to "a female branch" of literature of Far East abroad.

Key words: *the Far East, China, culture, the literature, the Russian emigration.*

Наибольший интерес для науки представляет наследие первой волны российской эмиграции в Китае. Часть его имеет лишь историческую ценность, другая же, относящаяся к литературе, философии, искусству, имеет непреходящее значение и продолжает обогащать русскую культуру и сегодня. Поэтому исследования оторгнутых от России пластов культуры, переоценка сложившихся представлений о ней являются актуальными и адекватными реалиям нового времени.

Российская эмиграция, оказавшаяся в 20 – 30-е годы в Маньчжурии, родилась из политических потрясений в России начала XX века. Однако по своей сути она не была просто политической. Проблемы политической борьбы не являлись главными для беженцев. Они были заняты борьбой за выживание на чужбине. Поэтому идейные противники советской власти в среде эмигрантов, как считает ряд исследователей, были "песчинками в море" [7; 9]. По разным источникам активной политической деятельностью занимались от 3 до 5 % эмигрантов [2, с. 12]. Основная же часть эмиграции, и в первую очередь – интеллигенция, стремилась делом служить Отечеству, не испытывая при этом желания заниматься политикой.

Оказавшись в чужой, незнакомой стране, не зная языка, культуры, обычаев, русская эмиграция не рассматривала себя как группу лю-

дей, спасшихся от политических преследований. Наоборот, они хотели ощущать себя полноценной и неотъемлемой частью России. Как нигде, русская интеллигенция противилась ассимиляции, стремилась поддерживать русский дух и образ мысли. Немалое содействие ей оказали соотечественники, жившие в Маньчжурии ещё со дня постройки КВЖД. Эти первые переселенцы сохранили в своей среде прочные традиции культуры и просвещения старой дореволюционной России, научной и благотворительной деятельности и к 1917 году прочно вросли корнями в почву края.

По мнению многих исследователей, русских эмигрантов 20 – 30-х годов нельзя сравнивать с теми, кто покинул Родину в поисках лучшей доли, какими бы мотивами они не руководствовались. Для них эмиграция стала не только способом физического выживания, а приобрела характер культурной миссии. Определяющим для русской интеллигенции, считавшей себя хранителем и носителем национальной культуры, оставался морально-нравственный стимул поведения, осознание собственной, если не мессианской, то, несомненно, исключительной миссии. Служение "русской идее" понималось ими достаточно широко.

Во-первых, они считали своей главной задачей сохранение в изгнании накопленных духовных ценностей, исторической памяти, национального опыта с тем, чтобы не прерывалась связь времён и поколений, чтобы сохранилась основа для будущего возрождения России вне зависимости от того, суждено ли было им вернуться домой или умереть на чужбине.

Во-вторых, они считали своим долгом познакомить народ страны проживания с достижениями отечественной мысли и культуры в различных областях человеческого знания [13, с. 99, 100].

Было ещё и желание думать и творить свободно. "Выехавшие из России осознали себя носителями великой русской культуры, создававшейся веками, – пишет исследователь деятельности эмигрантов П.Е. Ковалевский. – Они хранили её, умножали её, развивали, несли в мир и знакомили с нею другие народы" [6; 9; 13]. Сама великая культура и русский язык способствовали сохранению в их нелёгкой жизни национального чувства, препятствовали растворению и забвению в чужой среде. "Не будем проклинать изгнание, а будем трудиться во славу будущей России", таков был девиз эмигрантов-интеллигентов [6, с. 21, 22].

Для эмигрантов культура была важнейшей составной частью их национального самосознания, мироощущения образованного русского человека. Все достижения в литературе, художественном и научном творчестве, отмеченные печатью особой русской индивидуальности, находили выход в рамках таких институтов, как школы, вузы, книги, журналы, театр, церковь. Для продуктивной творческой жизни в изгнании нужны были "производители" и "потребители" культурных ценностей. Эмигранты жаждали читать, смотреть, слушать произведения, созданные представителями русской диаспоры. "Из двух Россией", – пишет Марк Раев, – возникших вследствие политических событий, именно Россия за рубежом, которая проявила твердую и недюжинную доблесть, продолжая быть Россией, оказалась более "подлинной" и более продуктивной в культурном отношении" [9, с. 16]. Культурная жизнь, отмеченная особой духовностью, не затихала ни на один день. Сами трудности (политическое давление, материальные лишения, бытовые и языковые неудобства и многое другое), оказалось, служили стимулом к творческой активности.

Наиболее крупным очагом русской культуры в Маньчжурии был Харбин, где сильнее всего ощущалось влияние русских. Это было вызвано, на наш взгляд, следующими факторами: оторванностью дальне-

восточной окраины от западных центров, а также наличием здесь базы культурной

общественной жизни, заложенной русскими ещё при строительстве КВЖД, т.е. до 1917 года; ведущей ролью родного русского языка, как средства общения, при разнообразном этническом составе этого русско-китайского города; компактностью проживания русских в городе и по всем населённым пунктам линии КВЖД.

С прибытием беженцев из России население города увеличилось до 300 тысяч человек. Город жил насыщенной и содержательной духовной жизнью. Русское население было грамотным, тянулось к культуре. Хорошие материальные условия привлекали сюда квалифицированные кадры работников в различных отраслях производства и культуры. Харбин играл важную роль во взаимодействии русской и китайской культур. Здесь шёл интенсивный процесс обмена практическим и технологическим опытом в различных отраслях хозяйства. Общеобразовательные русские и русско-китайские школы, частные гимназии, больницы, русские магазины, названия улиц на русском языке – все это благотворно воздействовало на русских эмигрантов, которые внесли живую культурную струю в жизнь Харбина. Были открыты новые театры, опера, оперетта, симфонический оркестр, Высшая музыкальная школа, выходили десятки русских газет, журнал "Рубеж". Пополнилась академическая среда: открылся юридический факультет, политехнический институт и т.д.

Находясь в центре многих политических событий, Харбин сумел сохранить свой российский облик, стал средоточием культурной и просветительской деятельности дальневосточного русского зарубежья. Этот китайский город дал уникальную возможность российской высокообразованной интеллигенции, не разделявшей идеалы революции, сохранить классическую русскую культуру с её гуманистическим пафосом и духовно-нравственными ценностями, пронести её через трудные десятилетия, подарить России богатство своей культурной ветви.

Насыщенной и плодотворной была литературная и издательская жизнь русского зарубежья. Здесь жили и работали такие известные поэты и писатели, как Н. Федорова, Н. Ильина, В. Перелешин, Д. Бурлюк, Вс. Иванов, Е. Яшнов, С. Алымов, А. Несмелов, более молодые литераторы-эмигранты: В. Обухов, М. Волин, Л. Андерсен, Л. Хаиндрова, Н. Резникова, Г. Сатовский, Б. Юльский, Л. Ещин, Буткевич, Н. Шелохов, О. Скопаченко, В. Янковская, В. Логинов, Е. Рачинская. Некоторое время в Харбине жили и работали писатель Е. Замятин, поэты В. Матвеев, Н. Дворжецкий и др. У каждого из них была своя судьба, но объединяло их одно: они очень тяжело приживались на чужбине, находя утешение в своих произведениях, сохраняя и оберегая русскую культуру в изгнании. Были и другие писатели. Описывая тёмные и мрачные стороны местной жизни, подогревая в себе и других ненависть к Китаю и китайцам, они не замечали необыкновенного трудолюбия китайского народа, его нелегкую жизнь и борьбу с угнетателями. Их произведения полны пессимизма, тоски, безысходности и упадничества. К ним относятся писатели и поэты Н. Борисов, М. Ершов, М. Щербаков, Л. Астахов, Н. Новицкий, Н. Астахов и другие.

В литературной среде Маньчжурии было много талантливых писательниц и поэтов, волею судьбы оказавшихся по ту сторону Родины. О многих из них не осталось письменных свидетельств. К счастью, архивные страницы харбинского "Рубежа" сохранили талантливые строки Марианны Колосовой, Виктории Янковской, Ирины Лесной, Лариссы Андерсен и других.

Интересна и ярка событиями судьба Лариссы Андерсен – поэтессы

и танцовщицы восточной ветви русского зарубежья. Ей сейчас 90 лет, живёт во Франции в маленьком городке Иссанжо. Благодаря приморской журналистке Т. Калиберовой, подготовившей к изданию в 2006 году вторую книгу стихов нашей соотечественницы "Одна на мосту", читатели и исследователи получили возможность познакомиться с творчеством этой незаурядной женщины, "по-русски лиричным и искренним, в то же время пронизанным воздухом Китая" [1, с. 2].

Марианна Колосова. О её творчестве стало известно в 1968 году, когда поэтессы уже не было в живых. Ю.В. Крузенштерн-Петерец, правнучка великого мореплавателя, некогда харбинская, позже – шанхайская, затем – калифорнийская журналистка вспоминала в статье "Чураевский питомник" в парижском журнале "Возрождение" (№ 204): "Иногда вечера "Чураевки" посещала известная на Дальнем Востоке поэтесса М. Колосова. Только она и Арсений Несмелов "кормились" в Харбине стихами. Колосова, впрочем, кормилась ими впроголодь" [10, с. 214, 215]. В 1928 году в Харбине у Колосовой вышел первый сборник стихов "Армия песен". На чужбине ей удалось издать четыре сборника: 1930 г. – "Господи, спаси Россию!", 1932 г. – "Не покорюсь", 1934 г. – "На звон мечей", 1937 г. – "Медный гул". Само название сборников говорит о том, что поэзия М. Колосовой занимала в литературной жизни Харбина совершенно особое место. В середине 30-х годов она делает попытку печататься в прояпонском ежемесячнике "Луч Азии", но для этого издания она была слишком русской поэтессой. В Харбине Колосова выходит замуж за А.Н. Покровского и в 1935 году семья переезжает в Шанхай. Чтобы выжить, она открыла для русских эмигрантов платную библиотеку, но это не спасало от нищеты. В 1958 году она уезжает в Чили, вновь пытается организовать работу библиотеки. В отрыве от Родины она теряет себя как поэтесса. Родина оторгла, а чужбина не приняла и не поняла её. Подтверждением тому являются слова писателя В. Набокова в интервью корреспонденту "Иностранной литературы" в 1995 году: "Эра эмиграции закончилась во время Второй мировой войны. Старые писатели умерли, русские издатели тоже исчезли, и, что хуже всего, общая атмосфера ссыльной культуры с её великолепием, мощью и чистотой, с её чуткой способностью к отражению жизни рассеялась, оставив горстку русскоязычных изданий с худосочным талантом и провинциальной интонацией" [5].

Елена Недельская. Харбинская поэтесса. Детство провела в Самаре, потом – Харбин, замужество. Первые стихи написала в 10 лет, будучи учащейся гимназии им. генерала Хорвата. Они сразу же были опубликованы в школьном журнале. "Писать – для меня радость ни с чем несравнимая", - высказывалась она о себе в "Рубеже" [11, с. 6]. Её любимые поэты: Пушкин, Лермонтов, Блок. Она идеалистка со своей любовью к природе, людям, "душе человеческой". Её стихи искренни, ненадуманно, словно глоток родниковой воды. В 1940 году в Харбине вышел первый сборник стихов Елены Недельской "У порога", в 1943 году увидел свет второй сборник "Белая роща". В конце 50-х годов они с мужем уехали из Харбина в Австралию. В 1978 году, за два года до смерти, вышел третий сборник её стихов. Излечиться от ностальгии по Родине Недельская так и не смогла. Свидетельство тому всё её творчество.

Небольшой анализ "женской ветви" поэзии дальневосточного зарубежья позволяют авторам сделать вывод о том, что поэтессы, несмотря на малочисленность в творческих кругах эмигрантов, оставили заметный след в литературе. В своих художественных исканиях они смогли особенно трепетно передать любовь к Родине, острое чувство тоски по ней и постоянное стремление быть ближе к родной земле. Это веские аргументы в пользу того, чтобы авторы продолжили изучение литера-

турного наследия представительниц русского зарубежья.

Многие писатели, художники, композиторы, очутившись в изгнании, в своих мемуарах признавали, что им "действительно не хватает российского пространства, шири воздуха", что их пугает новая, незнакомая среда.

Почти 400 тыс. изгнанников оказались в Китае. Многие из них умерли на чужбине. Другие нашли в себе силы вернуться на Родину. А третьи, осознав крах своих расчётов и иллюзий на скорое возвращение к родным очагам, пришли к осознанию необходимости устраиваться в чужой стране согласно её традициям и условиям быта, не теряя при этом своей культурной и этнической самобытности. Поэтому на протяжении долгих лет предпринимались меры для сохранения национальных традиций и языка в чужеродной среде. Старшему поколению эмигрантов потребовалась большая изобретательность, большой такт, чтобы найти те формы образования и воспитания, которые бы позволили новым поколениям, не звавшим России, сохранить к ней духовную привязанность.

После того, как отгремела гражданская война, пошли на убыль политические страсти, русская эмиграция уже другими глазами смотрела на Советскую Россию. Имя А.С. Пушкина поневоле стало для неё связующим звеном с потерянной Родиной. Зародившийся в 1925 году в Эстонии "День русской культуры", сочетаемый с днем рождения Пушкина – 8 июня, уже в 1926 году отмечался в 20 странах. Для русских эмигрантов, развеванных по всему свету войной, он был духовной потребностью, напоминанием, что они – русские. Русские прихожане шли в церкви, все были объединены чувством братского родства, трудности забывались, переполняла гордость за принадлежность к земле, которую так неповторимо воспел великий поэт. Бывшая эмигрантка Е. Таскина вспоминает: "Несмотря на скудный бюджет организаторов и трудное материальное положение большинства эмигрантов, "День русской культуры" неизменно отмечался в торжественной волнующей обстановке, напоминая россиянам об их принадлежности к волнующей русской культуре. После выступления лидеров эмиграции устраивались концерты, на которых звучала русская музыка, исполнялись народные русские песни и танцы, в перерывах проводились конкурсы и благотворительная лотерея" [12, с. 150].

В Китае с годами пушкинский праздник стал не только национальным русским, но и китайским знаменательным событием в культурной жизни, так как пушкинские строки находили отклик в сердцах людей. Этому весьма способствовали китайские переводчики, а также то обстоятельство, что в качестве зрителей, а нередко и непосредственных исполнителей музыкальных и театральных представлений, активно участвовали китайская общественность и население [8, с. 66-69].

Подводя некоторые итоги исследуемой темы, можно сделать вывод о том, что русская культура восточного зарубежья и, прежде всего – литература, стала формой выражения русского культурного идеала, получившего всемирное признание. В эмиграции литература приобрела еще более существенное значение для сохранения её национальных особенностей, поскольку богатый русский язык и образная речь являли признаки принадлежности к великой нации. Русское слово, устное и печатное, связывало изгнанников между собой.

Конечно, литературная жизнь в Харбине, Шанхае, Даляне, Мукдене, Тяньцзине была менее организована, чем в Париже или Праге. Но и в них русские поэты и писатели в изгнании формировали и поддерживали различные союзы, комитеты, творческие союзы и кружки. К примеру, было открыто Восточное отделение Союза русских писателей и журналистов.

Как и вся русская эмиграция, её литературная общественность была идейно неоднородна. Одни лояльно относились к советской власти, объясняли свое изгнание досадной случайностью и стремились вернуться на Родину (Вс. Иванов, Л. Хаиндрова), другие разделяли цели белого движения и ненавидели коммунистов (Б. Юльский, М. Колосова), третьи сторонились политики (А. Несмелов, В. Перелешин, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов). Верные офицерской чести, обладавшие врожденной интеллигентностью последние были русскими поэтами-патриотами, любящими Россию.

Живя и занимаясь творчеством в тяжелых материальных и моральных условиях, испытывая повседневный идеологический прессинг, особенно в условиях японской экспансии в Китае 30-х годов, лучшие представители дальневосточной диаспоры сохранили традиции и национальную культуру – неотъемлемую часть общей российской истории и культуры.

Перед современными исследователями стоит непростая задача: восполнить пробел в истории отечественной культуры XX века, вернуть на Родину культурное наследие дальневосточной эмиграции с тем, чтобы русская национальная культура обрела характер целостности, а поколения россиян познакомились с неизвестными пластами русской культуры, оказавшимися вне России, но всегда остававшимися в духовной связи с ней.

Литература

1. Андерсен Л.Н. Одна на мосту. М.: Русский путь. Библиотека-фонд "Русское зарубежье", 2006. 483 с.
2. Боханов Е. Такая разная эта эмиграция // Книжное обозрение. 1993. № 36.
3. Великая Маньчжурская империя (К 10-му юбилею). Харбин, 1942. 783 с.
4. Вопросы школьной жизни. 1925. № 1.
5. Три интервью с В. Набоковым // Иностранная литература. 1995. № 11. С. 232-248.
6. История российской интеллигенции. Материалы и тезисы научной конференции. М., 1995. 285 с.
7. Квакин А.В. Общее и особенное в положении русской диаспоры первой волны. Тверь: ТГУ, 1992. 44 с.
8. Лебедева Н.А. Пушкин в Китае. // Россия и АТР. 1999. №2. С. 66-69.
9. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919 – 1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 295 с.
10. Рубеж. Владивосток, 1995. № 2.
11. Рубеж. Харбин, 1940. №24.
12. Русский эмигрантский альманах "Россия". Шанхай, 1926.
13. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. 742 с.